

Ху Лянь похлопал Гао Яня по плечу, уселся рядом и с отеческой заботой в голосе произнес:

— Ты так говоришь, потому что совсем не знаешь генерального директора Лю! Люди, которые ему не нужны, никогда не удостоиваются его аудиенции. Он не просто дает тебе шанс, он уже признал тебя!

Гао Янь замер, вспомнив слова Лю И на прощание: «Надеюсь, я не ошибся в тебе».

— Но...

Ху Лянь продолжил:

— Думаешь, это не укладывается в голове, да? Доверие появилось слишком внезапно, верно? Возьми для примера меня: я учился за границей на бакалавриате целых восемь лет и выпустился только на восьмой год! Получив диплом, я думал, что в будущем смогу лишь открыть какую-нибудь забегаловку на районе и перебиваться с хлеба на воду. А в итоге Лю И выбрал меня в секретари! Тогда мне это тоже казалось верхом абсурда. Я еще думал: неужели у этого босса проблемы со зрением? Но всего несколько лет спустя все встало на свои места: из трех человек, которых генеральный директор Лю отобрал тогда, остался только я! Работай усердно, Гао Янь, ты не простой карп, перепрыгнувший через врата дракона, ты — спрятанный дракон. Скоро ты сам все поймешь, работать с таким человеком, как генеральный директор Лю, на самом деле очень комфортно!

Ху Лянь говорил недолго — у него оставались рабочие дела, и вскоре он ушел.

Гао Янь сложил стопку документов в сумку, спустился на лифте и, выйдя из Хуажун Интернэшнл, обернулся, чтобы бросить взгляд на высотку компании.

Впервые в жизни он испытал такой прилив чувств. Он знал, что это было за ощущение — чувство причастности и гордости... Кто-то оказал ему доверие, поручил важное дело, и теперь он не просто мелкий акционер, перепродающий вещицы в антикварном квартале ради наживы. Словно часть фундаментальных прав перешла в руки Гао Яня...

Это было доверие, предмет законной гордости для настоящего эксперта!

Гао Янь поднял руку и посмотрел на собственную ладонь. За столько лет учебы он впервые чувствовал нечто подобное — казалось, будто ему предстоит совершить нечто грандиозное и осмысленное, а не замыкаться в тесных рамках собственного мирка. С этого момента перед ним словно распахивался весь мир.

Гао Янь улыбнулся и, шагая по улице, пробормотал себе под нос:

— Надеюсь, я сделал правильный выбор!

На верхнем этаже Хуажун Интернэшнл Ху Лянь аккуратно разложил папку с документами в определенном порядке на письменном столе Лю И. Сам Лю И, не поднимая головы, следил на экране компьютера за графиком биржевых котировок.

Ху Лянь стоял рядом, не зная, стоит ли начинать разговор.

Не отрывая взгляда от монитора, Лю И внезапно бросил:

— Говори.

Ху Лянь произнес:

— Мне кажется, лицо Гао Яня смутно знакомо. Кажется, я где-то его видел.

Лю И отвлекся от экрана и посмотрел на Ху Ляня:

— Где?

Ху Лянь задумался:

— С ходу не вспомню. Вроде бы на какой-то фотографии мелькал. Вернусь — поищу, как будут результаты, сообщу вам.

Лю И кивнул:

— Хорошо. Покинув Хуажун Интернэшнл, Гао Янь заехал по дороге в супермаркет, чтобы купить любимых снеков Дундуна. Катая тележку по рядам, он не удержался и набрал целую гору, но на кассе, подумав, всё же вернул часть лакомств на полки. Он понимал, что любовь к сладкому и снекам — это детская природа, и Дундун тоже их обожал. Однако он боялся, что малыш испортит себе желудок. Здоровое питание для других детей было чем-то само собой разумеющимся, обычной повседневной едой, но для Дундуна оно являлось непозволительной роскошью.

Когда Гао Янь возвращался домой, он тащил тяжелый портфель и увесистый пакет с закусками. Стоило ему открыть дверь и, наклонившись, поставить вещи у порога, как Дундун с разбегу бросился к нему, крепко обвил ручонками шею и радостно завопил:

— Папа вернулся!

Гао Янь прикрыл за собой дверь, подхватил Дундуна на руки и прошел в гостиную. Бросив портфель у дивана и слегка подбросив ребенка на руках, он спросил:

— Чем Дундун занимался сегодня утром?

Устроившись на коленях у Гао Яня и цепляясь маленькими пальчиками за воротник его рубашки, Дундун ответил:

— Дядя Сун учил меня читать!

Про себя Гао Янь остался крайне озадачен. Этот тип со школы и до самого выпуска вечно заваливал экзамены по родному языку, и теперь он взялся учить грамоте Дундуна? Разве это не чистой воды вредительство и порча подрастающего поколения?

Опустив взгляд на Дундуна, Гао Янь заметил, что сейчас мальчик выглядит таким же бодрым и полным сил, как и утром. Он прижался к отцу, а его лицо выглядело здоровым и разряженным.

Больше всего на свете Гао Янь боялся за здоровье сына, поэтому каждый день только и делал,

что выискивал малейшие изменения в его внешнем виде. Лишь бы цвет лица оставался хорошим, ведь если ребенок начинал хандрить, сердце Гао Яня замирало от тревоги на целый день.

Гао Янь погладил Дундуна по голове и уже собирался что-то сказать, как вдруг почувствовал, что малыш зарылся лицом в его грудь и начал тереться о нее. Принюхиваясь носом и вытянув губы трубочкой, он елозил туда-сюда, точь-в-точь как маленький самоед.

Гао Янь знал, что Дундун любит похныкать и поласкаться, но чтобы вот так усердно тереться о него — такое случалось нечасто. Ребенок был готов зарыться в его грудь целиком.

Гао Янь слегка отстранил Дундуна, отодвинув его от себя, и, чувствуя себя одновременно смущенным и забавным, с бесконечной нежностью потрепал мальчика по макушке:

— Что с тобой сегодня, Дундун? Почему ты так пристал к папе? Разве папа тебе раньше не говорил, что мальчикам не пристало быть такими липучками?

Дундун вытянул шейку, надул губы, а его глазки ярко заблестели. Чуть недовольным голосом он протянул:

— Но сегодня от папы пахнет чем-то необыкновенно вкусным!

— А? — озадаченно моргнув, Гао Янь приподнял руку и принялся к собственной рубашке. Никакого приятного аромата он не уловил — напротив, от него самого уже слабо пахло обычным потцем. Гао Янь поднял правую руку, легко ущипнул Дундуна за маленький носик и произнес:

— У Дундуна нос сегодня заложило? От папы пахнет потом!

Дундун нахмурился, стоило Гао Яню тронуть его нос, но внимание ребенка тут же рассеялось. Малыш даже не обратил внимания на слова Гао Яня, а вместо этого ухватился за его руку, после чего обеими руками вцепился в запястье отца, которое тот уже собирался отдернуть, и потянул правую руку Гао Яня к себе на грудь, отчаянно выкрикивая:

— Папа! Папа! Руку! Дай мне руку! От нее так вкусно пахнет!

Гао Янь потерял дар речи. Неужели у Дундуна прокачался пассивный навык капризного баловства? И теперь это развилось до такой степени?

Сун Мин играл в кабинете в видеоигры и, услышав крик Дундуна, выбежал со словами:

— Что там вкусно пахнет? Дай мне тоже понюхать! — При этом его глаза были широко раскрыты.

Будь на месте Дундуна кто-то другой, Гао Янь просто велел бы Сун Мину катиться подальше. Беспомощно повернув голову, он ответил:

— Дундун говорит, что от меня вкусно пахнет!

Сун Мин, приближаясь, с любопытством протянул:

— Ты что, духи купил?

Гао Янь:

— ...

Сун Мин с озадаченным видом двинулся в сторону Гао Яня, но в трех шагах от дивана неожиданно остановился, закатил глаза и бросил:

— Такой явный запах пота, а еще говорит — вкусно пахнет! Мои невинные юношеские чувства жестоко обманули!

Юношеские твои сорок лет! — мысленно выругался Гао Янь. При ребенке материться было нельзя, однако Дундун, усевшись у него на коленях, наотрез отказывался отпустить его правую руку и даже прижался к ней носом, в точности как щенок, перед которым положили лакомую косточку.

Сун Мин неспешно подошел, уселся на диван и шлепнул Дундуна по маленькой попке:

— Ну вылитый пес! А ну-ка, Дундун, скажи дяде Суну, неужели лапа твоего папы-собакевича так хорошо пахнет?

Дундун повернул голову к Сун Мину и заявил:

— Дядя Сун, не смей со мной делиться! — С этими словами он еще сильнее притянул руку Гао Яня к груди.

Сун Мин опешил. Серьезное и сосредоточенное выражение на лице Дундуна вовсе не походило на капризы — скорее уж на детское, совершенно неподдельное чувство собственности.

Сун Мин почесал затылок и лишь в этот момент вспомнил, что сейчас он лысый, как колено, и чесать, в общем-то, нечего. Он неловко опустил руку, поднял взгляд на Гао Яня и спросил:

— Что ты вообще сегодня делал, когда уходил? Свиные рульки тайком ел, что ли?

Гао Янь презрительно вскинул брови на Сун Мина и беззвучно шевельнул губами, бросив в ответ:

— Катись к черту!

@

Аккуратно уложив лаковый деревянный ящик с деревом богатства, двое взрослых и ребенок сели вместе пообедать. Сейчас Дундун уже в основном ел сам, орудуя ложкой, но сегодня внимание малыша было приковано исключительно к рукам Гао Яня.

Дундун держал пиалу с кашей и маленькую ложку, а глазами сверлил правую руку Гао Яня: стоило Гао Яню взять палочками еду, как Дундун тут же поднимал на него взгляд; стоило сделать глоток супа — и снова вскидывал глаза.

Сун Мин хихикал в кулак рядом, а после ужина добровольно вызвался мыть посуду, не забывая при этом подкалывать Гао Яня:

— Тебе лучше не мыться! А то смоешь с рук аромат свиных рулек, и Дундун потом реветь у тебя будет.

Убирая со стола и унося посуду на кухню, Гао Янь бросил в адрес Сун Мина свирепый шепот с матерной руганью. Сун Мин по-свойски хлопнул Гао Яня по плечу и залился хохотом:

— Гляжу, переговоры у тебя сегодня прошли на ура!

— Поговорим позже, — бросил Гао Янь.

Дундуну днем нужно было спать, но сегодня он вел себя далеко не так послушно, как обычно, и предсказуемо превратился в хвост Гао Яня, наотрез отказываясь идти в спальню.

В конце концов, не найдя другого выхода, Гао Янь был вынужден снять свою рубашку и отдать ее Дундуну. Только тогда мальчик послушно отправился в комнату спать.

Гао Янь и Сун Мин уединились в кабинете для беседы. Сун Мин цокнул языком:

— Мелкий сегодня почему-то равнодушен к сладостям, зато его интересует твоя одежда и руки... — Он осекся и вдруг широко распахнул глаза: — О боже! Говорят, у некоторых детей бывает фетишизм! Неужели Дундун чуть подрог и уже обзавелся подобным отклонением?

Сун Мин был простым и грубоватым парнем: разговаривая с другими людьми, он еще пытался соблюдать приличия, но оставшись наедине с Гао Янем, вел себя абсолютно бессовестно.

Гао Янь, высокий и длинноногий, отвесил Сун Мину пинок под ребра. Сун Мин тут же изобразил испуг, изогнувшись в талии и защищая поясницу, тонким голосом жалобно взвизгнул и плашмя рухнул на пол.

Гао Янь уже давно привык к подобным дурацким женским ужимкам Сун Мина. Сидя за компьютерным столом, он слегка пнул ногу товарища и сказал:

— Хватит валять дурака, давай о деле!

Сун Мин подтянул стул, уселся и уже серьезно произнес:

— Выкладывай, как прошло сегодня утром? Судя по твоему виду, разговор выдался на редкость гладким?

Гао Янь кивнул:

— И правда гладким. Я сам чувствовал, что несу какую-то бессмыслицу и в моих словах нет ни капли убедительности, но Лю И все равно мне поверил.

Сун Мин погладил подбородок, хмыкнул, немного подумал и произнес:

— В этом мире встречаются самые разные люди, и боссы бывают на любой вкус. Быть может, он считает, что повидал на своем веку немало людей, и страдает излишней самоуверенностью в том, что касается умения разбираться в людях.

Самоуверенность? Разве Лю И похож на такого человека? Гао Янь призадумался, но сходства не нашел. Впрочем, сейчас он все равно не мог сделать никаких окончательных выводов, поэтому промолчал. Гао Янь произнес:

— Лю И, похоже, ужасно спешит вложить деньги в монеты. Думаю, он собирается кому-то их подарить.

— Дарить подарки — это вполне нормально, — откликнулся Сун Мин. — Это могут быть старшие члены семьи или какой-нибудь крупный деловой партнер. Сейчас мы точно сказать не можем. Но то, что он дает тебе возможность оценить монеты, меня, честно говоря, изрядно удивил. Поначалу я думал, что эта поездка для тебя гладкой не будет. Посмотрим, как пойдет, — добавил Сун Мин. — А ты что думаешь?

Гао Янь кивнул:

— Пока остается только так. Будем надеяться, что мы в человеке не ошиблись.

Сун Мин спросил:

— Кстати, ты всё еще собираешься в ту инвестиционную компанию?

Гао Янь покачал головой:

— Пока нет. Лю И, кажется, хочет, чтобы я стал его личным экспертом по оценке. Если я сейчас начну бегать по инвестиционным компаниям в поисках запасного пути, со стороны это, может, и покажется поступком умного человека, но в итоге из-за погони за крошечной выгодой упустишь главное. С делами Лю И нужно повременить и действовать постепенно, шаг за шагом. Если с ним ничего не выйдет, тогда уже буду искать другие варианты.

Сун Мин медленно кивнул и сказал:

— И то верно. В любом случае, какой путь ни выбери, у каждого будут свои плюсы и минусы. Ты должен сам во всем разобраться, а я в оценке не силен, могу лишь приглядывать со стороны.

Позже Сун Мин с Гао Янем обсудили ситуацию на местном рынке антиквариата, разобрав несколько недавних крупных сделок. В итоге они пришли к выводу, что Лю И действительно невероятно богат — просто баснословно богат. Приглашения на аукционы с золотым тиснением сыпались на него бесконечным потоком, а за предметы старины, на которые остальные лишь со стороны поглядывали на вялом рынке, он выкладывал деньги не задумываясь. Настоящий холостяк-миллионер!

Сун Мин заметил:

— Говорят, Хуажун Интернэшнл ворочает огромными деньгами. То, что он богат, я верю, но вряд ли настолько, чтобы сорить средствами в одиночку. Полагаю, у него там есть доля, а то и вовсе Хуажун Интернэшнл принадлежит его семье.

Происхождение Лю И интересовало Гао Яня лишь в общих чертах. Куда больше его волновало не то, сколько у Лю И денег, а какую пользу он сможет извлечь из общения с ним и какую защиту получит взамен. Вот это было по-настоящему важно!

Гао Янь решил после обеда заглянуть на антикварный рынок: в это время там должно быть немногочисленно, так что бродить и рассматривать всё вокруг будет гораздо удобнее.

Он переоделся в свободный повседневный костюм, а заметив яркое солнце на улице, натянул еще и бейсболку. Выглядел он невероятно бодрым и молодым — вылитый студент-выпускник.

Перед уходом Гао Янь велел Сун Мину разбудить Дундуна, когда подойдет время, и вышел из дома. Около часу дня стояла дикая жара, и шагая со стасившей лоб бейсболкой по двору жилого комплекса, Гао Янь чувствовал, как голова покрывается потом.

Он поймал машину до местного антикварного рынка. Обойдя ряды пару раз, он то и дело слышал, как к нему тайком подбегали люди, предлагая посмотреть то «ночной горшок, которым пользовалась вдовствующая императрица Цыси», то «скалопись У Чаншо», то «сучжоускую резную чернильницу» и прочее в том же духе. Но на поверку весь этот выставленный на прилавках якобы «антиквариат» оказывался в лучшем случае мешаниной из подделок и дешевых безделушек, причем фальшака там было абсолютное большинство.

Вращаясь в этой сфере, Гао Янь прекрасно знал правило: по-настоящему ценный товар на витрину не выставляют. Он пришел сюда просто поглазеть и немного освоиться на местности. Хорошие вещи люди прячут и берегут от чужих глаз, никто не станет выставлять их на всеобщее обозрение посреди дня в будний день, когда почти нет народу.

Послониавшись пару кругов и перекинувшись парами слов с теми, кто пытался всучить ему очередную «крупную вещьцу», Гао Янь ушел.

Покинув антикварный рынок, Гао Янь отправился в крупный торговый центр в центре города — он хотел купить Дундуну одежду. Всё, что носил мальчик в последнее время, было куплено Сун Мином: детские пижамные комплекты, пестрые наряды или комбинезоны с капюшонами и хвостами.

Гао Янь просто терял дар речи, когда Сун Мин с бесстыдным видом заявлял, что выбирал эти вещи специально, руководствуясь утонченным женским вкусом.

Поднявшись на эскалаторе на второй этаж детской одежды, Гао Янь выбрал для Дундуна несколько курток, штанов и пар обуви. Рассчитавшись на кассе, он уже собирался спускаться к выходу, как вдруг его взгляд упал на вывеску: на четвертом этаже располагалась зона мужской одежды.

Оставив пакет с игрушками на хранение в только что посещенном детском магазине, он повернул назад и поднялся на четвертый этаж.

Пройдясь пару кругов, Гао Янь купил две рубашки поло. Проходя мимо магазина костюмов, он подумал, что неплохо бы обзавестись и приличным костюмом, и завернул в этот фирменный бутик.

Когда Гао Янь вошел, он особо не заглядывался на бренды и не придавал им значения, но две девушки-консультантки за кассой сразу же обратили внимание на его наряд.

Обе синхронно подняли головы, бросили на Гао Яня мимолетный взгляд и, не сдвинувшись с места и не сказав ни слова, вновь уткнулись в свои дела. Гао Янь сам сделал пару кругов по залу, присмотрел один костюм и, повернувшись к консультанткам, произнес:

— Я хотел бы примерить этот.

Одна из девушек подняла голову, равнодушно окинула его взглядом и бросила:

— Вы уверены, что хотите его примерить?

Гао Янь приподнял бровь:

— Да!

Консультантка подошла, заглянула под воротник, чтобы проверить размер, и холодно бросила:

— Извините, вашего размера нет.

Если бы здесь покупала костюм женщина, она бы сразу почувствовала снисходительное отношение персонала. Но Гао Янь все-таки был мужчиной, и теперь до него дошло: эти две девицы с самого его входа ни во что его не ставили, решив, что он не сможет позволить себе такую покупку.

Гао Янь мысленно усмехнулся. Раньше, покупая костюмы, он с подобным никогда не сталкивался, но сегодня, похоже, повстречал настоящих снобов.

Он уже собирался открыть рот, как стоявшая перед ним женщина-консультант вдруг перевела взгляд ему за спину и любезно произнесла:

— Здравствуйте, выберите костюм?

Гао Янь машинально обернулся. Из-за надвинутой на лоб бейсболки ему пришлось слегка приподнять подбородок. Его взгляд случайно столкнулся с парой темных глаз, и он остолбенел, никак не ожидая встретить здесь Лю И.

Лю И стоял в нескольких шагах от них с точно таким же выражением лица, как и при их первой встрече — холодным и строгим. Он кивнул Гао Яню, пропустил мимо ушей слова расплывшейся в улыбке и направлявшейся к нему консультантки и даже не взглянул на костюмы.

Он лишь коротко и жестко бросил продавщице:

— Он выбрал модель. Пойди принеси.

Консультантка замерла, улыбка на ее лице на секунду смазалась:

— Простите, что вы сказали?

Лю И посмотрел на Гао Яня, а затем снова на работницу бутика:

— Мой человек! Иди принеси одежду!

Гао Янь счел встречу с Лю И в такой час и в таком месте немного неловкой, хотя вряд ли что-то могло переплюнуть ту фразу про моего человека.

Вспомнив утренние слова Ху Ляня, Гао Янь понимал, что Лю И не вкладывал в это выражение какого-то особого подтекста. Они оба сохраняли полную невозмутимость, но вот двое других присутствующих явно думали иначе. Что значит «мой человек»? Разве не «мой мужчина»?!

Принимавшая Гао Яня консультантка на мгновение опешила, но на ее лицо тут же вернулась дежурная улыбка:

— Той модели костюма действительно не оказалось в нужном размере для этого господина, я сейчас принесу другую! — С этими словами она извиняюще улыбнулась Гао Яню и направилась в подсобку.

Гао Янь посмотрел на Лю И, который в этот момент тоже смотрел на него. Гао Яню было довольно странно столкнуться с ним в такое время и в таком месте. Разве генеральные директора в представлении людей не должны быть вечно заняты, окружены секретарями и мотаться по бесконечным приемам? Но Ху Ляня рядом явно не наблюдалось.

Гао Янь поздоровался с ним:

— Директор Лю!

Лю И кивнул и произнес:

— Выбирайте.

У Гао Яня бейсболка сидела низко на голове, и он просто снял ее, полностью открывая лицо. Сейчас он выглядел совсем не так, как утром во время делового разговора: на нем был непринужденный спортивный костюм, а на ногах красовались кроссовки — чистой воды студент, только что закончивший университет.

Никто больше ничего не говорил, и в воздухе повисла легкая прохлада.

Это была их вторая встреча с Лю И. Гао Янь еще не успел толком изучить его характер, но было очевидно, что этот генеральный директор не любил пустые разговоры и отличался изнеженно-суровым выражением лица. Сам Гао Янь учился мало, но в жизненном опыте и умении ладить с людьми разбирался отлично. Он решил, что Лю И, пожалуй, не выносит болтовни и попыток набиться в друзья, так что лучше просто помолчать.

Лю И здесь начальник, а начальник — фигура главная. Гао Яю еще предстояло зарабатывать на жизнь под его началом!

Погрузившись в свои мысли, Гао Янь мысленно уплыл куда-то далеко, как вдруг неподалеку раздался мягкий, по-детски нежный голосок:

— Дядя!

Гао Янь машинально повернул голову и увидел очаровательного малыша, который со всех ног бежал к ним. Ребенок был примерно того же возраста, что и Дундун, но чуточку повыше. На нем был синий спортивный костюм, бежал он очень быстро, щеки покраснелись, а на лбу блестели капельки пота.

Малец подлетел ближе, и Гао Янь увидел, как Лю И повернулся, присел на корточки и на лету подхватил бросившегося к нему ребенка на руки.

Устроившись на руках у Лю И и тяжело дыша, малыш затараторил:

— Дядя, дядя! Папа тебя ищет! Пойдем кушать, братик проголодался!

Прижав ребенка к себе, Лю И слегка развернулся к Гао Яню, и его прежде суровое лицо мгновенно смягчилось. Он спросил:

— Доуша проголодался? А Танъюань разве тоже хочет есть?

Танъюань с предельной серьезностью кивнул:

— Раз братик голодный, значит, Танъюань точно тоже голоден!

Гао Янь, наблюдавший за Лю И, даже удивился: оказывается, этот холодный, жесткий мужчина, не умеющий ни улыбаться, ни гневаться, способен на такое мягкое выражение лица, когда держит ребенка. Но стоило ему услышать детские слова, как Гао Янь невольно рассмеялся.

У него самого был ребенок, и детей он, конечно, любил — особенно таких живых, сообразительных и разговорчивых трех-четырехлеток. В такие моменты он неизменно вспоминал Дундуна. Если бы только Дундун был здоров и мог вот так же бегать и резвиться везде, он наверняка выглядел бы таким же жизнерадостным.

Гао Янь с улыбкой в глазах посмотрел на Танъюаня. Танъюань вдруг повернул голову, уставился на Гао Яня своими большими распахнутыми глазами, озадаченно моргнул, а затем звонко выпалил:

— Здравствуйте, дядя!

Какой послушный и вежливый малыш! Улыбаясь, Гао Янь поприветствовал ребенка в ответ:

— Привет, малыш!

Танъюань с тем же серьезным видом кивнул:

— Привет, большой друг!

<http://bllate.org/book/21448/2191864>